

На космодроме Байконур

В.Г. Курт

На космодром Байконур я впервые попал в 1961 году на запуск аппарата «Венера -2». До этого многократно, трудно даже сосчитать, сколько раз, я бывал на нашем первом ракетном полигоне Капустин Яр на Волге.

Именно там мы испытали нашу «искусственную натриевую комету», целью которой было визуализировать аппарат, летевший к Луне.

Благодаря знакомству с самим Сергеем Королевым (а он лично следил за продвижением работ по натриевой комете) мы смогли договориться с ОКБ-1 (теперь это ракетно-космическая корпорация «Энергия») об установке наших приборов на первые отечественные аппараты, планируемые к запуску к Венере и Марсу. До этого мы активно занимались исследованием земной атмосферы на очень больших расстояниях, вплоть до 100 тыс. км. Мы исследовали плотность, химический состав и температуру атмосферы Земли. Именно это мы и хотели сделать для верхних слоев атмосфер Венеры и Марса.

Тогда С.П.Королев и руководитель этих работ Г.Ю. Максимов хотели разработать три типа аппаратов: пролетные с небольшим расстоянием от поверхности этих планет, искусственные спутники Венеры и Марса и самые сложные — посадочные. Для предстартовой подготовки этих приборов я и был командирован на полигон Байконур. Наши приборы для исследования верхних атмосфер Венеры и Марса представляли собой фотометры и спектрометры ультрафиолетового диапазона. Целью исследований было определение распределения плотности и температуры водорода, кислорода и гелия в атмосфере Венеры.

На Байконур мы всегда летали на служебных самолетах ОКБ-1: вначале — на Ил-2 («Дуглас»), а потом и на Ил-18. Несколько раз я летал на личном самолете Королева.

Хорошо помню, как он довез нашего сотрудника из ГАИШа Петра Щеглова до Ташкента, где его отец, В.П. Щеглов, был директором Ташкентской астрономической обсерватории. Размещались мы вначале в гостинице в городе Ленинске, а после оформления пропусков перебирались на площадку, откуда и производился запуск нашей великой ракеты Р-7. Именно на ней и сегодня производятся все пилотируемые пуски. Конечно, с тех пор она претерпела большие изменения. Система управления была переведена полностью «на цифру», но остались четыре «боковушки», неядовитое горючее (кислород-керосин), в отличие от сильно ядовитого «Протона».

Больше всего мне запомнился первый для меня пуск «семерки». Р-7— первая наша межконтинентальная баллистическая ракета. На ней тогда производились запуски всех ИСЗ, аппаратов к Луне, Марсу и Венере. Кстати, всего к Луне, Марсу и Венере мы запустили чуть больше 100 аппаратов!

В день запуска всех эвакуировали на дизельном поезде на 10 км, но все равно впечатление было незабываемое. Для начальства там были трибуны с биноклями, закуской и выпивкой. Например, помню, туда возили президента Франции Шарля де Голля.

Я хорошо помню, как однажды мы с нынешним академиком Николаем

Кардашевым ушли из гостиницы часа за два до эвакуации и спрятались в канаве вблизи от старта.

На нас даже дынуло горячим воздухом от факела стартующей ракеты. Вторым впечатлением были офицеры, осуществлявшие запуск, их быт и работа при диком климате пустыни.

В мои обязанности входила проверка установки наших приборов на аппарате, проведение автономных и потом комплексных испытаний. После этого в случае успешного запуска и выхода аппарата на орбиту полета к Луне, Марсу или к Венере мы перелетали в Евпаторию, где располагались антенны Центра дальней космической связи и осуществлялось управление аппаратами и прием телеметрической информации.

Что касается секретности, с нас брали подписку о неразглашении сведений, инструктировали о том, как себя вести, что можно, а что нельзя говорить родным. Помню, как нас просили не привозить никаких сувениров, по которым можно было определить, где мы были.

«Не привозите с Байконура ветки сексуала», — сказал нам сотрудник секретного отдела. Однако я хорошо запомнил как сотрудник ФИАН И.П.Тиндо привез в Москву живого варана (это большая ящерица) и пугал им всех женщин в Институте.

С годами на Байконуре происходили значительные изменения. Строились современные гостиницы. Если раньше мы ходили в «поезд-баню», то теперь в каждом номере появился душ, вода стала поступать в гостиницу круглые сутки. В генеральской столовой, куда я, став профессором и доктором наук, получил пропуск, обслуживали вежливые и симпатичные официантки. Запомнился ледяной нарзан или боржом в 40-градусную жару.

Стали летать регулярные самолеты Ил-18 и Ту-104. Билеты на них продавались, конечно, с предъявлением документов и пропусков на полигон.

Летали, помню, из Внуково, с особой стоянки. Когда мы стали активно сотрудничать с астрономами и физиками из соцстран и французами, их тоже стали возить на космодром. Жили они в отличных гостиницах, на старт их возили (и нас с ними, конечно) на комфортабельных автобусах.

Ну а с конца 70-х годов я уже там не был. После развала страны и развала промышленности полигон стали арендовать у Казахстана. Вначале там ощущался полный развал. Закрылись детские, сады, школы, музыкальные школы и т.д. Сейчас понемногу все восстанавливается. Наша надежда — на новый Восточный полигон вблизи от Хабаровска. Надеюсь, там все будет отлично: техника и быт сотрудников, военных и нас, командировочных. Успеха им!